

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

УДК 784: 398

М. А. Белокрыс (Омск)

«УМИРАЮЩАЯ КРАСОТА...»: К ИСТОРИИ СИБИРСКОГО МУЗЫКАЛЬНО- ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ПРОЕКТА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В.

Статья посвящена вопросу изучения и популяризации музыкального творчества народностей Сибири. Рассматривается история создания и кратковременной деятельности музыкально-этнографического подотдела Западно-Сибирского отдела Государственного Русского географического общества.

Ключевые слова: музыкальное творчество народов Сибири, сибирская этнографическая музыка, хоровая капелла.

M. A. Belokrys, candidate of cultural science, professor of department of choral conducting and solo singing, "The Omsk state university of F. M. Dostoyevsky" (Omsk)

"THE DYING BEAUTY ...": TO HISTORY OF THE SIBERIAN MUSICAL AND ETHNOGRAPHIC PROJECT OF THE FIRST QUARTER OF THE XXTH CENTURY

Article is dedicated to a question of study and popularization of the musical creation of the national character of Siberia. The history of creation and short-term activity of the musical-ethnographical subdivision of the Western Siberian division of state Russian geographical society is examined.

Keywords: the musical creation of the peoples of Siberia, Siberian ethnographical music, choral choir.

Основанный в 1877 г. в Омске Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества (ЗСОИРГО, в советское время — ЗСОРГО) и созданный при нем годом позже музей были центрами, проводившими активную научную и просветительскую работу. С 1897 г. при музее начало функционировать этнографическое отделение, обратившее свое внимание на изучение этнографии народов Азиатской России [1, с. 80]. С дореволюционного периода известны и отдельные попытки изучения и популяризации в рамках отделения образцов музыкального фольклора. Так, например, 28 октября 1907 г. на устроенном в здании ЗСОИРГО Попечительством о народной трезвости народном чтении, А. И. Троицкая прочитала доклад «О русских песнях», иллюстрированный выступлением народного хора [2]. На аналогичном чтении, проведенном 4 ноября 1907 г. в театре П. К. Сичкарева, она же познакомила публику с сообщением «Русские бытовые песни», также сопровождавшимся пением народного хора [3].

Претерпев в годы империалистической и гражданской войн немало сложностей и утрат, ЗСОРГО с 1921 г. переживал болезненный процесс реформирования музейного дела в Сибири, проводившийся Сибнаробразом. В результате этой реформы от Географического общества были отделены музей и библиотека, начавшие формально независимое существование. К началу 1922 г. обе организации были приведены в относительный порядок, наметили перспективные планы деятельности. Музей открылся для посетителей (ул. Музейная), в нем заработала новая секция «Архив войны и революции», регулярно проводившая свои заседания [4]. Обществом на летний период запланирована научная экспедиция «с целью естественно-исторического исследования горного хребта Холзун (вверх по Иртышу)». В апреле 1922 г. вышел из печати № 1 научно-популярного журнала «Сибирская природа» [5]. Начались работы по подготовке к изданию гербария флоры Западной Сибири, в которых принимали участие видные омские ученые-ботаники [6]. В конце апреля 1922 г. историко-этнографический музей в связи с ремонтом закрылся до 1 августа [7]. Но уже с 12 июня он вновь открылся, выставив для посетителей коллекции своих отделов, в том числе и этнографического отдела [8]. Именно в деятельности этого отдела есть малоизвестная страница, связанная с проектом изучения и действенной пропаганды музыки населяющих Сибирь народностей. Предыстория его создания такова.

В мае 1922 г. известный Сибирский показательный агитинструкторский поезд и действовавшая в его составе «капелла И. Н. Устю-

жанинова» как выполнившие свои задачи и в связи с тяжелым материальным положением были распущены [9]. Задержавшийся в Омске бывший дирижер капеллы, ученый-этнограф и композитор И. М. Суслов выдвинул смелую идею организации при этнографическом отделе музея подотдела сибирской этнографической музыки. Разъясняя его цели и задачи, он писал в программной статье: «Народная музыка и поэзия в Сибири заставляют обращать на себя большое внимание». В наше время это народное творчество переживает кризис. Коренные изменения в экономической и духовной жизни народа отразились роковым образом на состоянии его духовного творчества: оно пришло в упадок. Этой печальной участи подверглась и народная песня, как в ее содержании, так и в нераздельно с ним связанным музыкальным ее воплощением. Остановить этот очевидный процесс исчезновения и разложения старинной народной песни, конечно, никто не в силах, но на нашей обязанности лежит, по возможности, сохранить ее остатки, как ценный материал для науки и искусства. С этой целью при Западно-Сибирском краевом музее в Омске открыт подотдел сибирской этнографической музыки». Основную задачу подотдела И. М. Суслов видел не только в проведении «чисто научных исследований в области народной поэзии и песни», но и в необходимости «широко пропагандировать собранный уже материал, лежавший до сих пор в архивах». Кратко описал он обозначенный архивный материал: «200 монгольских мелодий, около 500 мелодий татар и башкир Урала, 90 таранчинских мелодий, мелодии и песни сартов, киргиз, алтайцев, якутов, тунгусов, остяков, китайцев, индусов, алеутов, персов, турок, и прочее — все песни и мелодии с переведенными на русский язык текстом. Немало записано интересных мелодий XVII в. сибирских старообрядцев». Для популяризации этого ценнейшего нематериального наследия народного творчества И. М. Суслов намеревался устраивать музыкально-этнографические концерты с пояснительными лекциями. «Искренно веря в успех живого дела, — писал он, — я надеюсь, что это начинание найдет отклик среди ученых и музыкантов Западной Сибири, которые не откажут придти на помощь музею в развитии» [10].

Безусловно, начинания И. М. Сусллова основывались на многолетнем опыте Музыкально-этнографической комиссии Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, сыгравшей важнейшую роль в развитии российской музыкальной фольклори-

стики [11]. Но были у него и свои оригинальные задумки. Так, главным инструментом пропаганды народно-музыкального творчества должна была стать постоянно действующая мобильная вокальная группа. С этой целью летом 1922 г. при музыкально-этнографическом подотделе музея началась организация смешанного хора, который был сформирован достаточно быстро. Недостатка в квалифицированных певцах обоего пола, с учетом недавно распущенных профессиональных хоровых капелл («Передвижной губернской хоровой капеллы» А. Н. Новикова и капеллы И. Н. Устюжанинова «Сопка»), город не испытывал. При этом И. М. Суслову, надо полагать, проявившему взыскательный поход к отбору хористов, удалось привлечь к себе лучшие вокальные силы Омска. Количественный состав коллектива, получившего официальное название «Хор этнографической секции музея», был внушительным и доходил до сорока человек певцов. Предполагалось, что они одновременно будут осваивать и пропагандировать не только имеющийся фольклорный материал, произведения композиторов-сибиряков, отражающие местный сибирский колорит, но и классические хоровые сочинения, некогда входившие в репертуар так называемых «странствующих капелл» России второй половины XIX — начала XX в. (Д. А. Агренева-Славянского, А. П. Карагеоргиевича, В. Г. Завадского и др.). Замышлялся ли институционально «этнографический» хор как профессиональный или как любительский — пока не совсем ясно. Но очевидно, что сам музыкально-этнографический проект имел по крайней мере два направления. С одной стороны, научное, связанное с исследованиями собранного музыкального материала, с другой — просветительское, нацеленное на его популяризацию путем исполнения.

Как и рассчитывал И. М. Суслов, его начинание на первых порах нашло соответствующую поддержку организаций и, по-видимому, частных лиц. Губернский экономический совет признал сохранение музея важным государственным делом и выделил на его неотложный ремонт 349000 руб. [12]. 17 августа И. М. Суслов в мажорных тонах сообщал через газету, что для музея отведен Дом республики (бывший дворец генерал-губернатора), где есть возможность по-настоящему развернуть работу, и на днях начнется перевозка экспонатов в новое помещение. Пожелал его организаторам довести дело до конца, а сочувствующим учреждениям и лицам «положить свой камень в фундамент нового рассадника науки и культуры» [13].

Одновременно в экстренном порядке проводилась работа по подготовке первого публичного мероприятия. И уже 23 августа 1922 г. хор музыкально-этнографической секции музея, подготовив соответствующую программу, дал на сцене зала своего старого здания свой первый концерт. В сущности, это был закрытый вечер для членов общесибирской конференции культурно-просветительных учреждений транспорта, только что закончившей свою работу. Кроме участников конференции на нем присутствовали лишь члены Географического общества, несколько приглашенных гостей и заведующий Сибнаробразом — Д. К. Чудинов. Среди званных гостей на концерте в музее был и известный поэт Г. Вяткин, в сфере внимания которого как сотрудника газеты «Рабочий путь» была художественная жизнь города. После концерта он по горячим следам написал рецензию, в которой передал свои яркие впечатления о выступлении музейного хора, дал ценные сведения о его состоянии и структуре, концертном репертуаре.

Так, Г. Вяткин сообщал, что собственно этнографические номера в программе хора отсутствовали, так как только еще разучивались и не были должным образом отрепетированы. «Хор просто демонстрировал свои силы, и этот дебют, который вернее будет назвать публичным музыкальным экзаменом, следует признать блестящим». Перечислил рецензент частично и прозвучавший в концерте сочинения: «Море и утес» М. В. Анцева и И. М. Сулова, «Осенние листья» и «Дубинушка» П. Г. Чеснокова, «Вальс» Д. А. Агренева-Славянского, русская народная песня «Капустка» и некоторые другие произведения. Касаясь художественной стороны исполнения произведений, он отметил и многие профессиональные достоинства коллектива: «все пьесы были прослушаны с напряженным вниманием и произвели глубокое впечатление. Хор, имеющий в своем составе 40 человек, обнаружил наличие прекрасных вокальных сил (великолепны, например, басы), безукоризненную проработку исполняемых вещей, тонкую отделку, исключительную стройность». Давая общую культурологическую оценку концерту, Г. Вяткин указал: «Омск можно поздравить с очень ценным художественным приобретением: новой певческой капеллой, управляемой И. М. Суловым (бывшим дирижером областной капеллы Устюжанинова)». Сделал он и еще одно важное для хоровой культуры Омска заключение, подчеркнув музыкальную одаренность, дирижерские и организаторские способности И. М. Сулова: «Общее впечатление настолько хорошее, что капелла

Устюжанинова — в сравнении с этим новым хором — кажется слабой и бледной» [14].

Рецензия Г. Вяткина является важным свидетельством изменений конфигурации локальной музыкальной культуры города, ее обогащения. Рождался новый хоровой коллектив с оригинальными целями и задачами, способный достаточно оперативно и на высоком уровне осваивать не только образцы этнографической музыки, но и сложные сочинения хоровой классики. Как научно-творческий коллектив он мог занять достойное место в пространстве музыкальной культуры не только Омска, но и Западной Сибири. И во главе его встал знающий ученый-этнограф, фольклорист, опытный дирижер-художник, готовый к тонкой интерпретации сложной палитры хоровых сочинений, владеющий секретами вокально-хоровой звучности. Не случайно участники и гости конференции остались довольны концертом, а представитель транспортников «в своей горячей благодарственной речи подчеркнул большое культурное значение нового начинания» [14].

Успех первого закрытого прослушивания хора предопределил внимание омской общественности к первому публичному концерту капеллы, намеченному на 2 сентября также в зале музея Географического общества. Предваряя его, Г. Вяткин сообщал: «Концерт устраивается музыкально-этнографической секцией музея, и значительное место в программе займут песни сибирских инородцев. Таким образом, концерт имеет двойной интерес: и научный и художественный, причем организаторами вечера будут даны соответствующие объяснения» [15]. В очередном номере газеты «Рабочий путь» появилось важное для нас дополнение, что песни сибирских инородцев будут исполнены хором в обработках, сделанных на основе этнографических записей. Кроме этого дополнительно профессор П. Л. Драверт должен был прочитать сибирские стихи, а Г. Вяткин сделать краткий доклад о поэзии сибирских инородцев. Сам же И. М. Суслов выступить не только как дирижер, но и как композитор [16].

Состоявшийся 2 сентября 1922 г. в музее этнографический концерт представляет для нас значительный интерес со всех сторон. Но нами обнаружен лишь один печатный отклик на него в газете «Рабочий путь». Принадлежал он рецензенту, скрывшему свое имя за псевдонимом Ипп. В. (И. Войтов?). Главное внимание в ней он уделил народному художественному творчеству российских национальных меньшинств, подчеркнув важность его изучения. Касаемо пропаганды народного музыкального творчества отметил, что «вся-

кую попытку приближения художественного творчества к массам, всякую научную популяризацию его надо приветствовать. Этнографические вечера (а это именно «вечера», а не «концерты»), устраиваемые Зап (адно) — Сиб (ирским) геогр (афическим) обществом, заслуживают в этом отношении всяческого внимания». С высказанными критиком соображениями можно согласиться, но с позиции интересующего нас вопроса это мало что дает. Ибо собственно содержательная и музыкальная сторона концерта (репертуар, качество хорового звучания, вокальные особенности интерпретации обработок песен инородцев) рецензента не заинтересовали. Этому он уделил только несколько строк: «Исполненные капеллой Суслова номера были весьма ценны и вводили присутствующих в круг совсем новых и оригинальных представлений» [117]. Дополнительные сведения об исполненных в сентябрьском концерте в Омске номерах могут дать личные материалы И. М. Суслова. Так, передавая в 1971 г. Эвенкийскому краеведческому музею в Туре свои материалы, он, в частности, писал: «На снимках сфотографированы пять собственных ручных партитур полевых записей без магнитофона, без фонографа, без диктофона. Записи сделаны «на слух». Это лишь небольшая часть записанных мелодий песен-импровизаций: лирические, произвольные индивидуальные импровизации тунгусского хоровода «йохор» и якутского «осуохай», песен религиозных (шаманизм) — солисты, хор, бубны. Опубликованные песни-импровизации исполнялись на моих этнографических концертах... по всем городам Сибири, начиная от Омска. Кроме песен импровизаций народов Севера на концертах исполнялась моя рояльная сюита киргизской музыки в пятитоновой китайской гамме» [18]. Поэтому можно предположить, что в омском концерте 2 сентября 1922 г. хор исполнял среди прочего именно якутские и тунгусские песни-импровизации, записанные и расшифрованные И. М. Сусловым. Остается только пожалеть об отсутствии информации о художественной стороне концерта, специфике звуковой и ритмической передачи академическим хором этих песнопений. Но можно не сомневаться, что под руководством незаурядного дирижера, знатока фольклора, обладающего великолепным слухом, капелла и в это раз блеснула мастерством, исполнив произведения народного творчества национальных меньшинств Сибири на высоком уровне.

Будущее ценного научно-творческого предприятия казалось вполне обеспеченным, а положение музыкально-этнографического подотдела — прочным. Однако уже в начале октября 1922 г.

И. М. Суслов получил назначение на должность директора создававшейся в Новониколаевске (ныне Новосибирске) оперы и уехал из Омска. Оставшийся без руководителя «этнографический» хор едва не распался, но уже в середине октября обрел нового дирижера в лице бывшего руководителя Губернской хоровой капеллы А. Н. Навикова [19, 334–337]. «Работа капеллы, — сообщали в газете, — возобновилась, и в ближайшее время начнутся ее публичные выступления» [20].

Но сведений о новых выступлениях капеллы в рамках задуманного И. М. Сусловым проекта нами не найдено. Как уже отмечалось выше, 1920-е гг. для Западно-Сибирского отдела Географического общества — тяжелый период реформирования. По постановлению Сибнаробраза музей отдела и библиотека при нем передавались губернскому отделу народного образования. В начале февраля 1923 г. коллегия губоно постановила опечатать библиотеку музея, создать комиссию для проверки и принятия ее от Западно-Сибирского географического общества [21]. С 20 февраля музей был закрыт для передачи коллекций его хранителю. Одновременно приступили к свертыванию имущества и библиотеки для перевозки в новое помещение. Предполагалось, что там будет больше возможностей для развертывания музейной работы [22]. Западно-Сибирский отдел Русского географического общества, мужественно перенеся отчуждение важнейшей своей составляющей, объявил, что обновлен состав его руководства, возобновляется работа «по изучению Западной Сибири и сопредельных с нею областей... в собственно-географическом, геологическом, этнографическом и др. отношениях». Но за отсутствием средств «предполагает свою работу пока вести, главным образом, в виде научных докладов и совместной разработки вопросов из области краеведения» [23].

В очерке, посвященном 50-летию ЗСОРГО, указано, что музей в интересующий нас период вел энергичную научную и издательскую деятельность, «принял участие в Саянской экспедиции Сибнаробраза, заслушал на общих собраниях несколько научных докладов, организовал два музыкально-этнографических вечера и т. п. Но широко задуманные культурно-коммерческие предприятия вскоре же привели к тяжелым материальным и моральным последствиям» [24, с. 38]. Очевидно, что в описанных выше организационных и социально-экономических условиях ни музыкально-этнографический подотдел, ни ее хоровой коллектив существовать не могли. Не случайно в поздних документах того периода никаких указаний

об их существовании мы больше не находим. Не упоминаются коллекции записей народных песен и в отчете Ф. В. Мелехина, директора нового музея, за первые пять лет его существования [25, с. 121–150]. Не исключено, что И. М. Суслов, покидая Омск, забрал с собой все ценные нотно-музыкальные материалы.

В художественном совете музея память об интереснейшем культурном начинании все же сохранялась. В 1926 г. она актуализировалась в виде идеи о создании художественно-музыкального кружка. Предполагалось объединить в нем «художников и музыкантов с целью изучения художественного и музыкального творчества народов Сибири и развития интереса широких масс к искусству родного края». Намечалось устроить цикл бесед, лекций и т. д., организовать летом «ряд поездок в глубину страны для записей мелодий, зарисовок и т. д. Первое время, конечно, основной базой будут являться художественно-этнографические ценности музея» [26]. Очевидно, что на тот период некие «художественно-этнографические» материалы в музее еще сохранялись. Но были ли при этом планы создания при кружке музыкального коллектива для их иллюстрирования — не ясно.

Несмотря на кратковременность существования музыкально-этнографического подотдела и хора Западно-Сибирского краевого музея, следует признать, что это был интересный и ценный проект, который при соответствующих благоприятных обстоятельствах мог бы способствовать не только делу изучения и популяризации народно-песенного творчества, развитию хоровой культуры, но и сохранения нематериального культурного наследия народов Сибири.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алисов Д. А. Культура городов среднего Прииртышья в XIX — начале XX вв. Омск, 2001.
2. Хроника // Омский телеграф. 1907. 4 ноября.
3. Хроника // Омский телеграф. 1913. 24 ноября.
4. Музей географического общества // Рабочий путь. 1922. 12 февр.
5. Научные экспедиции. Журнал «Сибирская природа» // Рабочий путь. 1922. 21 апр.
6. К деятельности краевого музея // Рабочий путь. 1922. 22 апр.
7. Временное закрытие музея // Рабочий путь. 1922. 29 апр.
8. Западно-Сибирский краевой музей // Рабочий путь. 1922. 20 июня.

9. Ликвидация областной капеллы // Рабочий путь. 1922. 27 мая.
10. Суслов И. К исследованиям сибирской этнографической музыки // Рабочий путь. 1922. 28 июня.
11. Смирнов Д. В. Значение деятельности музыкально-этнографической комиссии в русской фольклористике [Электронный ресурс] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10 : в 3 ч. Ч. III. URL: www.gramota.net/materials/3/2014/10-3/
12. О Западно-Сибирском краевом музее // Рабочий путь. 1922. 5 июля.
13. Суслов И. Западно-Сибирский краевой музей // Рабочий путь. 1922. 17 авг.
14. Вяткин Г. Вечер в музее Географического общества // Рабочий путь. 1922. 25 авг.
15. Вяткин Г. К предстоящему концерту в музее Географического общества // Рабочий путь. 1922. 1 сент.
16. Хроника: первый художественно-этнографический концерт // Рабочий путь. 1922. 2 сент.
17. Ипп. В. Умиряющая красота (к этнографическому концерту 2 сентября) // Рабочий путь. 1922. 9 сент.
18. Клиценко Ю. В. Эвенкийская музыкальная культура в записях историка и этнографа И. М. Суслова // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. 2013 [Электронный ресурс]. URL: zaimka.ru/klitsenko-suslov/
19. Белокрыс М. А. Музыкальная культура Омского Прииртышья в лицах (XVIII — середина XX вв.): библиографический словарь. Т. 3. Л-П. Омск, 2010.
20. Хроника: К судьбе певческой капеллы // Рабочий путь. 1922. 15 окт.
21. Передача краевого музея губоно // Рабочий путь. 1923. 4 февр.
22. В географическом музее // Рабочий путь. 1923. 21 февр.
23. В географическом обществе // Рабочий путь. 1923. 15 марта.
24. Семенов В. Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического общества. Омск, 1927.
25. Мелехин Ф. В. 1923–1928 г. Пять лет работы музея. Краткий отчет // Государственный Западно-Сибирский музей. Известия. № 1. Омск, 1928.
26. Эльм. Создание художественно-музыкального кружка // Рабочий путь. 1926. 30 ноября.